

The background of the entire page is an abstract, textured image in shades of deep blue and white. It resembles a close-up of a rough, crystalline surface or perhaps a microscopic view of a mineral, with intricate, swirling patterns and sharp, jagged edges. The lighting creates a sense of depth and highlights the uneven texture.

Лидия Жиглова

Легкомысленная подружка

Лидия Жиглова

Легкомысленная подружка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72661759

SelfPub; 2025

Аннотация

В жизни Веры всё идёт своим чередом. Благополучная семья, престижная работа. Неожиданная встреча со школьной подругой разворачивает всё на 180 градусов и жизнь буквально захлёстывает, требуя сделать нелёгкий выбор. Выбор в сторону здравого смысла или безрассудства?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лидия Жиглова

Легкомысленная подружка

Глава 1.

Проснулась сегодня рано. Вчера с мужем поссорились и он, на ночь глядя, уехал на дачу, обвинив меня во всех смертных грехах! А что я собственно сделала? Сына отпустила на всю ночь. А ничего, что ему уже семнадцать и он меня не собирался спрашивать? Просто поставил в известность, что с девушкой идёт в ночной клуб. И как я, спрашивается, должна была поступить? Костями лечь? Забаррикадировать вход? Начать мужу звонить при его девушке и спрашивать разрешения? Я лично вариантов адекватного решения этого вопроса не находила. У мужа же был единственно верный и годами проверенный способ – обвинить меня в плохом воспитании сына, в потакании его безрассудных поступков и в посягательствах на его отцовский авторитет. При этом мои аргументы не имели совершенно никакой силы, а под натиском его возмущения, и вовсе превращались в жалкие попытки оправдаться. Передо мной замаячили дни, а то и недели его демонстративного молчания и моих безрезультатных попыток прервать это самое молчание.

Из неприятных размышлений меня вывел телефонный

звонок. Взгляд выхватил на дисплее, что звонит мама. Данный факт не сулил ничего хорошего, поэтому добавил порцию горечи и без того в безрадостное настроение.

Мои предположения подтвердились. Мама, отчитав меня, как школьницу, велела подумать над своим поведением. Это были слова мужа. Я их хорошо знала, он всегда говорил так, когда был недоволен мною или сыном. Вот и сейчас, я прямо-таки услышала из маминых уст его слова, даже уловила его интонацию. Почему она всегда вставала на его сторону, было для меня загадкой. Вначале наших отношений я даже казнила себя и сожалела, принимая на себя вину за ссору, а потом поняла, что я всегда буду на противоположной стороне, на которой должна буду подумать над своим поведением. Вот и сейчас, объяснять, оправдываться, доказывая свою правоту, у меня не было ни сил, ни желания, а главное, я понимала бессмысленность этого. Поэтому молча выслушала и поспешила свернуть беседу, прикрываясь делами. На самом же деле, я совершенно ничего не собиралась делать. Какое-то тошнотворное чувство подкатило к самому горлу и не давало не то что чем-то занять себя, хотя бы в виде дел по дому, оно даже жить не давало, дышать не давало, отравляя всё внутри!

Я молча лежала и смотрела, как солнечные лучи пробиваются сквозь плотно задёрнутые шторы, словно ища лазейки. И вот, найдя маленькую щель между ними, пробились-таки в комнату, осветив собой весёлую дорожку вдоль кровати. Я

ухватилаась взглядом за это освещённое пространство, встала и распахнула шторы. Комната мгновенно наполнилась солнечным светом, ослепив глаза. Я постояла немного, подставляя лицо тёплым лучам. Сегодня выходной. Планировалось ехать на дачу, но видеть там недовольного молчащего мужа, там более делать попытки примириться, вызывали во мне внутреннее отторжение. Хочет молчать – пусть молчит, но на расстоянии! И это внезапно принятое решение вдохновило меня. Даже то тошнотворное чувство, которое тяготило меня, несколько притупилось.

В замке заскрежетал ключ – вернулся сын. Я вышла встретить его. Усталый, но глаза горят. Я поцеловала его в щёку, незаметно принюхиваясь. Ярко выраженного запаха алкоголя не было. Ограничился видимо лёгким коктейлем или бокалом вина. Даже запах табака не обнаружила, что порадовало меня.

– Привет, мам. А папа что, спит?– спрашивает он.

– Его нет. Он на даче.

Вижу, как тот облегчённо вздыхает. Видимо готов был услышать порцию наставлений на тему «своего поведения».

– И что? Сильно ругался?– уточняет сын.

Я только жму плечами. Я впервые за всё время не встала на сторону его отца, не набросилась на сына с обвинениями. Ещё в самом начале своего родительского пути, я прочитала, что у родителей должны быть единые требования к ребёнку, поэтому никогда не спорила с мужем, даже если была

не согласна с его позицией. Я давно уже поняла, что сын вырос и имеет право на свою жизнь, на свои решения, на свои ошибки. Я много раз пыталась донести это его отцу, но он и слушать не хотел, заявляя, что пока он его кормит, то тот обязан подчиняться беспрекословно. И я по привычке вновь вставала на сторону мужа. А сегодня вдруг почувствовала себя рядом с сыном, по ту, другую сторону, и это придало мне уверенности, что я не одна.

– Я спать. – бросил он и направился к себе в комнату.

А я оделась и вышла на улицу. Приятная утренняя прохлада бодрила, а начавшийся новый день вселял какую-то внутреннюю уверенность, надежду, успокаивая меня. Я отправилась на набережную. Долго смотрела на бегущую воду, подставляя лицо прохладному ветру, дующему с реки, потом, слегка озябнув, закуталась в шарф и прошла вдоль набережной. Малочисленные прохожие не сбивали моего внутреннего одиночества. В голове было пусто, словно ветер вынес из неё все неприятные мысли, оставив тишину и простор. Захотелось задержаться в этом состоянии. Но лишь я подумала об этом, как внутри, словно заслонку открыли, и мысли лавиной двинулись, толкаясь и мешая друг другу. Вопросы один за другим вставали и требовали ответа: «Как мне действовать в сложившейся ситуации? Как вести себя? Как искать примирения? Что говорить? Что делать?» Я знала только одно – я не стану брать на себя вину, заискивать, прося прощение. Прежние методы возможно и сработали бы,

но мне до чёртиков надоело всё время быть в роли виноватой. Ну не чувствовала я себя таковой! Мне с каждым разом становилось всё труднее переступать через себя в поисках мирного сосуществования для нашей семьи. Поэтому после бессмысленных скитаний по городу и безуспешных попыток найти правильное решение, я сдалась и дала себе возможность взять паузу.

Зачем я тогда приехала на вокзал? Сама толком объяснить не могла. Скорее всего, оставила внутри некую лазейку, что если решу ехать на дачу, то сделаю это немедленно, а с другой стороны, мне нравилась вокзальная суэта, призывные гудки, разносящиеся в ней, манящие объявления диктора. Я всегда мечтала о путешествиях. Муж же был домоседом и не любил никакие передвижения. Мы крайне редко выезжали. Разве только дважды, за все эти восемнадцать лет, что мы вместе. Были на юге и то, только потому, что сын часто болел, и врач настоятельно рекомендовал море. В основном наше времяпрепровождение ограничивалось дачей. Это конечно громко сказано. На самом же деле там был небольшой домик, с удобствами во дворе. Правда, недавно муж построил там баню, что немного облегчило наш быт. Ключевое слово «немного». Всё остальное оставалось прежним. И грядки, где я тщетно старалась вырастить урожай, и поездки в переполненных электричках, в случае, когда муж не мог привозить нас туда на машине. Прежде успокаивало то, что сын бежал вволю на свежем воздухе. Но сейчас тот вырос и дача уже

не манит его. Я чувствовала, что и ему она стала в тягость. Муж же с маниакальной настойчивостью заставлял нас еженедельно посещать её! Каждый раз я с нетерпением ждала завершения сезона и облегчённо вздыхала, радуясь возможности на выходных оставаться дома. Сегодня также предполагалась поездка, и мне предстояло тащиться с продуктами в электричке, потому, что муж вообще не имел понятия закупать их самостоятельно. Ко всему прочему он, рассерженный, вряд ли пойдёт встречать меня. А это значит, что я сама должна буду преодолеть довольно большое расстояние с нагруженными сумками в руках! Внутри привычно что-то ёкнуло: «А стоит ли усугублять ситуацию? Может можно ещё привычно всё уладить?»

Но внутри от этих мыслей поднимался протест. Словно взбаламутили отстоянную воду, и я почувствовала свою жизнь именно такой, наполненной безграничной мутой, не имеющей просвета.

Сквозь эти мысли я едва слышала, что меня окликают: – Верка! Сафонова! Ты что? Не узнаёшь меня?

Я её и правда не сразу узнала. Мы не виделись лет двадцать, не меньше! Это была Лялька – моя подруга. Мы знакомы ещё со школы. Вообще-то она Галина, но так никто её не называл, а звали всегда Галька, а после и не заметили, как заменили первые две буквы, и получилась Лялька. Это имя-прозвище очень хорошо подходило к её характеру. Была она лёгкая в общении, я не помню, чтобы она на кого-то серди-

лась, а если и осуждала, то делала это как-то по-доброму, с юмором и всегда не обидно. На имя Лялька тоже никогда не сердилась и охотно откликалась. С ней всегда было весело, она постоянно что-нибудь придумывала, и мы неустанно смеялись. Лялька умела хорошо передразнивать учителей, и все они имели свои кликухи, которыми она же их и нарекала. Так учительницу немецкого языка она звала Степной Розочкой, потому, что говоря про немецкую литературу, та приводила один и тот же пример:

– Генрих Гейне написал стихотворение «Степная ро-оозочка».

При этом самозабвенно закатывала глаза и растягивала губы, в уголках рта при этом образовывалась слюна. С таким выражением она всегда задерживалась на мгновение, прежде чем продолжить. Лялька копировала её безупречно!

А физика нарекла Палкиным. И не только потому, что звали его Пал Палыч, а потому, что тишина на его уроке стояла мёртвой, да и спрашивал он всегда строго! Одним словом, палочная дисциплина!

Редко какой урок физкультуры обходился без прыжков через козла. Очень уж любил этот снаряд наш физрук. Оттого и звался он не банальным козлом, а любовно – Кёзликом.

Этот список можно ещё продолжить, но не об этом сейчас речь. Лялька никогда не утруждала себя уроками. И хотя никогда не блистала знаниями, но в отстающих так же не числилась. Она учила только те уроки, которые ей были ин-

тересны. Всё остальное ловко списывала, в отличие от меня. Я всегда добросовестно зубрила, но по оценкам не сильно выбивалась вперёд. Лялька даже пыталась мне преподать мастер-класс по списыванию, но я так и не усвоила её уроки. Как объясняла мне подруга, всё дело в том, что у меня на лице было написано то, что я пытаюсь списать. Лялька же всегда оставалась спокойной, уверенной. Садилась она всегда на первую парту, уверяя, что это самое безопасное место, потому, что внимание учителей всегда обращено на последние ряды. Так, сидя практически под носом у учителя, она лихо списывала, и при этом ни один мускул на её лице не выдавал её.

Я любила проводить время с Лялькой. Есть купленный беляш или мороженое в любую погоду на улице, сидеть в кино, когда все были на уроках, да и просто так бродить по незнакомым улицам огромного города, оказываясь в разных местах. Это очень не нравилось маме. После таких походов мы возвращались поздно и за это мне всегда сильно влетало. Лялька от своих родителей подобной выволочки не получала. Они, казалось, вообще не замечали её исчезновения. Я даже ей в этом завидовала. Моя мама не любила Ляльку. Она называла её легкомысленной и считала, что та на меня плохо влияет.

Вместе мы поступили и в колледж. Вот там-то Лялька влюбилась. Сергей, так его звали, был одним из лучших учеников на курсе. Лялька даже лекции перестала пропускать и

учёбой занялась, только бы ему соответствовать. Даже меня стала одёргивать, когда я её по школьной привычке Лялькой называла. Сергей, к последнему курсу обратил-таки на неё внимание и даже на свой день рождения пригласил. Тогда Лялька все свои деньги спустила, но купила у китайцев для того времени очень модную ветровку. Но радовался подарку Сергей не долго. Та самая ветровка буквально на глазах поползла после первой же носки. Вот тогда-то он и возненавидел всё китайское, вместе с китайцами, да и с Китаем в целом! И при каждом возможном случае поносил их почём зря, поэтому с тех пор его, за глаза, кроме как Китайцем никто и не называл. Хоть Ляльке тогда за этот подарок так же досталось от Сергея, но любить она его не перестала, а на «Китайца» обижалась, поэтому приходилось держать при ней рот на замке. Тогда Лялька даже отстранилась от меня, её внимание было направлено исключительно на объект своего обожания. Она, казалось, вообще перестала кого-то замечать вокруг себя. По окончании колледжа они поженились. Вот тогда-то и разошлись наши пути-дороги окончательно. Я пошла учиться дальше, в университет, а Лялька родила ребёнка. Вначале мы изредка перезванивались, затем и вовсе перестали. Время от времени до меня доходила некоторая информация о ней. Так, одна из наших общих знакомых была у неё в гостях после рождения её первого ребёнка. Рассказывала она об этом эмоционально, постоянно возмущаясь:

– Представляешь, пришли мы к ней. Цветы купили, по-

дарки, а там дома её муж был. Смотрим, у Ляльки глаза зарёванные, хотя нам улыбается, изображая радость. А с самого порога этот её Сергей, стал нас одёргивать, что мол, громко говорим. Ребёнку спать мешаем. Ну, мы тогда шептаться стали, на что он так же на нас периодически зыркал! В комнату прошли, а там стол уже накрыт. Видно было, что Лялька готовилась. Ты ведь знаешь, какая она всегда была!

Да. Это я хорошо знала, вспомнив, как часто мы у неё собирались и ели. Так всегда было, не взирая, на финансовые трудности. Могла она из обычной картошки шедевр сделать! Или в то время мне так казалось? Знакомая же продолжала:

– Ну, тут она нас сразу за стол усадила. Серёга же ещё раньше нас по центру стола уселся. Забрав из Лялькиных рук игрушку, принесённую для ребёнка и прочитав, что она изготовлена в Китае, сразу откинул её на рядом стоящий диван, заявив:

– Мой ребёнок этой китайской дрянью играть не будет.

Я пыталась ему возразить, что не всё китайское – дрянь, но он и слушать меня не стал, а прочитал мне такую лекцию на тему качества, что я сто раз пожалела о том, что вообще эту игрушку купила!

При этом он взял по центру стоящий салат, поставил его перед собой, и стал есть его прямо из салатницы ложкой! Представляешь? Ну, после этого, сама понимаешь, что больше к этому салату никто и не притронулся, да, впрочем, и к другим блюдам тоже. Так, посидели немного. Говорил в

основном он, мы все молча, офигев, слушали. Потом так же молча поспешили уйти, наскоро простившись с Лялькой. Кстати, прихватив с собой принесённую игрушку, которую она вернула нам со словами:

– Он всё равно её выбросит!

Я после этого рассказа тогда только и смогла проговорить:

– Не думала, что та злополучная ветровка обернётся для него такой психологической травмой!

После, также от общих знакомых услышала, что Лялька родила вторую девочку, у которой оказались какие-то проблемы со зрением. А когда той девочке едва исполнилось два года, то я узнала вообще страшное известие о подруге. Ей отрезало ногу поездом, когда она пыталась сократить путь и подлезла под вагон. Тогда мне казалось, что это катастрофа! Мысленно я уже похоронила Ляльку и уже больше не помышляла встретиться с ней. Где-то внутри был порыв найти её, помочь как-то, но какой-то страх мешал этому! Словно она заразна и я, общаясь с ней, могу подцепить вирус, который разрушит и мою жизнь. А у меня в то время было всё, что называется, в шоколаде. Я закончила ВУЗ, стала работать бухгалтером в одной солидной фирме. В то же время познакомилась и со своим мужем. Мне тогда казалось, что моя успешность сделает ей ещё больше. Поэтому оставила все мысли о ней.

А теперь я вижу её, идущую ко мне, улыбающуюся, с блеском в глазах и нескрываемой радостью. Я невольно перево-

жу взгляд на её ноги, на уверенную походку и ставлю под сомнение ранее полученную информацию о её инвалидности. Лялька же, уловив мой взгляд, поспешила рассеять мои сомнения:

– Нет, у меня нога не отросла! Просто очень хороший протез! – сказала она и с гордостью добавила:– Муж на юбилей подарил! Некоторым бриллианты дарят, а мне вот – протез!

И она смеётся. Я вижу прежнюю Ляльку. Ту школьницу, с которой прогуливала уроки.

Мы обнялись.

– Господи, Лялька! Как ты?– спрашиваю я, явно не ожидая увидеть её такой жизнерадостной, прежней, так знакомой с детства. Словно и не было разлуки с ней, длинную в двадцать лет.

– Да всё хорошо. – говорит она, а я, глядя на неё и не сомневаюсь в этом.– Вот сына с соревнований встречаем.

– Сына?– переспрашиваю я, – У тебя ведь две дочери.

– Уже три дочери и один сын.– уточняет Лялька, а у меня округляются глаза от изумления.

Она, видя это, ещё больше веселится. В это время к нам подходит мужчина. Лялька знакомит нас:

– Это мой муж Юрий, а это моя школьная подружка Вера.– и уточняет: – Сто лет не виделись!

На что мы с Юрием обмениваемся любезностями, и он продолжает:

– Я вижу, что вам поговорить хочется. Я узнал. Поезд за-

держивается, поэтому посидите тут, в кафе,— он показал рукой на отгороженное диванчиками пространство,— А я сына встречу и мы подойдём к вам.

Он ушёл, а мы расположились на одном из таких диванчиков, заказали кофе, и я с интересом стала расспрашивать Ляльку:

— А куда девался твой Серёжа?

— Да никуда. Живёт себе припеваючи. Я с ним развелась.

— Давно?

— Вскоре, как травму получила.

От этих слов у меня всё внутри сжалось, и тут же накрыло огромным чувством вины за то, что в то трудное время не поддержала её, даже не попыталась отыскать.

— Прости меня пожалуйста, за то, что тогда не поддержала тебя.— только и смогла проговорить я, даже не пытаюсь оправдаться.

— Да что ты! — возразила Лялька.— Я прекрасно понимаю, что у каждого своя жизнь. Не поддержала, значит, не имела возможности!

Она заглянула мне в глаза и продолжила с такой искренностью, что у меня навернулись слёзы:

— Ты не представляешь, как я рада, что мы сейчас встретились!

— И я рада! — подтвердила я её слова, и мы снова обнялись, после чего Лялька продолжила:

—С Серёгой я прожила семь лет. Вероятнее всего, что жи-

ла бы и дальше, если бы ногу не отрезало. Он и раньше-то был с прибабасом. Если чего в голову вобьёт, то ни за что это оттуда не выбить! Как с Китаем, помнишь?

– Конечно, помню, как такое забыть! Не зря его весь курс тогда Китайцем прозвал, потому что столько негатива в адрес бедного Китая со всеми его китайцами, я в жизни не слышала! – подтвердила я, и мы обе рассмеялись.

– Да... – протянула она, – Китай это только семечки! А вот когда он в религию ударился, то это был полный капец!

– В секту какую-то попал? – уточнила я.

– Да, нет. Обычное православие. Но я тогда смотрела на него и у меня в голове возникала только одна мысль: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт!». Только вот он не один свой лоб расшибал, но и наши с дочками лбы за компанию. Старшую дочь, например, мог на весь день в угол поставить. А всё за то, что она в воскресное утро заапризничала и не захотела пойти на утреннюю службу в храм. Мою практически связанную кофту мог выбросить на помойку лишь за то, что вдруг обнаружил в составе пряжи синтетические компоненты, которые каким-то образом влияют на неокрепшую детскую душу. Ну и многое в таком духе. А самое страшное началось, когда младшая родилась с проблемами по зрению. Он меня просто изводил, обвиняя в грехах и убеждая в том, что это наказание мне за мои грязные помыслы. Ну, а когда мне ногу отрезало, то у него и вовсе крышу снесло. Он не только соблюдал все религиозные посты,

праздники и запреты, но ещё усилил свою бдительность, от-носительно моих молитв. Уверяя меня, что это единственный путь к тому, чтобы не гореть мне после смерти в адском огне.

– Поэтому при жизни и устроил тебе ад? – озвучила я свою догадку.

– Да. Вроде того.

– Господи, бедная! Да как ты смогла выжить то? – воскликнула я.

– А я смотрела на свою оставшуюся ногу и не чувствовала вины. Я не знаю, какому богу молился Серёга, а я знала, что мой бог не оставил меня, сохранив её мне. Я любовалась ею, в полном смысле этого слова. Отмечала, какая она у меня красивая, стройная! Я даже удивлялась, что раньше этого не замечала, когда их было две. Я ведь именно тогда поняла, что мы многое воспринимаем, как данность, даже не задумываясь, над важностью и ценностью, дарованной нам свыше.

А когда по льготе получила протез, то чуть его не лишилась, потому что Сергей решил, что протез этот от лукавого! Он был убеждён в том, что если бог отнял ногу, то так тому и быть. Нужно смиренно принять свою участь. И даже не раз пытался избавить меня от него! Тогда-то я и воспротивилась! Берегла протез, как зеницу ока, а едва научившись передвигаться на нём, подала заявление на развод.

– И как он воспринял это?

– Не с восторгом, мягко выражаясь.– ответила Лялька, за-

хихикав.— Сказал, что я дьяволу душу свою продала окончательно и из меня нужно бесов выгонять.

— А на детей он не претендовал?

— Как же! Претендовал. Угрожал меня родительских прав лишить.

— И что же ты?

— А я пригрозила встречный иск подать и рассказать, как он воспитывает старшую дочь и наказывает её стоянием в углу на коленях. Тогда он пыл свой поубавил, да и не готов был на себя взвалить двух детей. Их ведь не только наказывать нужно, но ещё и ухаживать за ними, одевать, кормить. Он ведь, пока я в больнице лежала, весь мозг мне вынес, как ему трудно!

— А тебе-то самой не страшно было с двумя в таком положении остаться? Я ведь знаю, что родители твои всегда выпить любили, от них ты вряд ли помощи ждала.

— Знаешь, я тогда об этом не думала. Мне страшнее было с ним остаться, окончательно себя потерять и безвременно содохнуть, оставив детей. Вот что мной, прежде всего, руководило.

Сначала и правда, трудно было неимоверно! Прежде всего, материально. Пособие на ребёнка и моя пенсия — вот и все наши доходы. Правда, Сергей алименты платил, но какие это деньги! Так, чтобы с голоду не пропасть. Да и то всегда полного отчёта требовал! От родителей и правда, толку было мало. Они тогда запойными были. Не просыхали неделями.

Когда переехала, то давай что называется, им гайки закручивать. Скандалами всегда мои требования заканчивались, но всё-таки открыто дома они больше не пьянствовали, да и дружков не водили. Оба не работали. У матери уже пенсия по старости была, на неё и пили. Ну а я из нужды хлеб стала печь и соседям предлагать. Те сначала из сочувствия покупали, а потом распробовали и стали постоянными клиентами, да ещё меня и другим рекомендовали. Одним словом, начала с десяти буханок, а потом попёрло в геометрической прогрессии. Даже немножко стала откладывать. Уж очень мне хотелось баню поставить. Греть воду в частном доме для себя и детей было довольно хлопотным делом. За зиму собрала кое-что. А весной стала искать, кто бы мне баню эту поставил. Приличные мастера и деньги приличные за это просили, но я не оставляла надежду. Так и нашла я Юру. Он беженец из Казахстана, к тому же судимый. Ему работу было очень сложно найти.

—И не побоялась ты связаться с уголовником?— спросила я и устыдилась своих слов, вспомнив недавно представленного мне Лялькиного мужа, который совсем не был похож на уголовника.

Лялька на мои слова не обиделась, а даже заулыбалась:

—Да я тогда и не знала про его уголовное прошлое. А он цену совсем маленькую запросил, а когда я на лето разрешила ему пожить в нашем сарае, так ещё скинул. Вот так мы и начали строить не только баню, но и нашу совместную

жизнь. Все материалы он сам закупал, вначале я с ним ездила, чтобы рассчитаться, а потом уже и ему стала доверять. Он всегда экономно к этому подходил и всегда до копейки отчитывался. Строил качественно. Когда очередной раз сказал, что нужны материалы, то я попросила посмотреть что-то попроще, подешевле, на что он ответил, что баню не на один день строим и лучше сделать всё сразу качественно, не экономя на материалах. Даже согласился подождать с оплатой его работы. В благодарность за это, я стала его обедами кормить. К осени баню сложил, хотя крыша была прикрыта лишь рубероидом. Я предложила ему в дом перебраться. В сарае уже холодно спать стало. Поставили ему раскладушку в кухне. Но он очень доволен был. Деньги к тому времени у меня кончились, получился так называемый простой. Он в это время зарабатывал, чем придётся, у соседей. За лето многие узнали его, вот и просили, кому в доме что поправить, а кому с огородом помочь. Никакой работы он не стеснялся и не отказывался.

– А родители твои как на него реагировали?

– А что родители? С ними мне он тоже хорошо помог. Отец иногда привлекал к работе, когда одному не справиться было. Брал всегда с одним условием, чтобы во время работы ни капли в рот. И отец слушался его, помогал. Он всегда рукастый, мой папка, был. Это его водка так сломала, а тут вспомнил, так сказать, молодость.

Лялька засмеялась тихонечко. Она всегда так делала, что

придавало лёгкости её словам.

– А как же всё-таки дошли до того, что стали жить вместе?– поторопила её я, боясь, что та не успеет поведать мне этого.

– А произошло это на Новый год. Я пригласила Юру отметить с нами. Мать моя тогда, накатив в честь праздника, несла всякую околесицу, в том числе рьяно желала мне замужества. Чтобы прекратить её изливания, я сказала, что таких, как я, замуж не берут. Когда родители отправились в свою комнату смотреть телевизор, то Юрий спросил:

– А почему ты сказала, что «таких, как ты», замуж не берут?

– Одноногих!– уточнила я.

– А разве хорошая жена определяется количеством ног? Я с этим не согласен. Тебя взять в жёны рад будет любой!

– Что-то не вижу я очереди из претендентов на мою одну ногу и сердце!– пошутила я, а потом добавила: – Вот ты ведь замуж меня не зовёшь!

– Да за меня ты и не пойдёшь! – очень уверенно произнёс он.

– Почему это?– переспросила я.

– Да потому, что я в прошлом судим. А ещё у меня в Казахстане дочка осталась. Она с моей сестрой живёт.

– А где её мать?– заинтересовалась я.

– Не знаю. Я когда сидел, то она развелась со мной и к выпивке пристрастилась. Дочку у моей сестры оставила, а

сама исчезла. Я когда вышел, то первое время искал её, а потом бросил. Может, её уже и в живых нет.

Он вздохнул, а потом, с грустью в голосе, продолжил:

– Так что жених я так себе. За таких не выходят!

– А ты попробуй, предложи. – с вызовом выпалила я.

Он тогда очень пристально посмотрел мне в глаза, затем произнёс:

– Ты сейчас серьёзно?

– Да уж куда серьёзнее! – ответила я, не отводя взгляда.

Так вот и стали жить вместе.

– Обалдеть! Лялька! – воскликнула я, прокомментировав услышанное. – Ты даже не спорила, за что он сидел?

– А зачем? Что он никого убить не мог – это я к тому времени, точно знала. Обворовать и обвести меня вокруг пальца, к тому времени уже бы сто раз мог, но не сделал этого! А что сидел, так не зря говорится, что «от сумы и от тюрьмы не зарекайся!»

– И сейчас не знаешь?

– Я знаю лишь одно. У меня в ту ночь за долгое время секс случился! Да какой! Я про свою ногу ни разу не вспомнила! Да я вообще о ней ни разу больше не вспоминала с тех пор, как с Юрой жить стали. И за всё время ни разу не усомнилась в нём и не пожалела.

Он начал заниматься изготовлением дачных туалетов. Они у него такие ладненькие получались. Я бы даже сказала, что весёлые. Работы хватало с ранней весны до поздней

осени, а зимой он заготавливал доски, так что по весне оставалось только сколачивать их. Я в интернете находила покупателей. В общем, вела бухгалтерию. Зря я, что ли колледж заканчивала!

Она снова рассмеялась.

– Ну, а как у вас с детьми получилось?

– Его девочка ровесница моей младшенькой. Забрали себе. К дому пристройку сделали. А потом и Гошка родился.

– Господи! Лялька! Я удивляюсь тебе! А не страшно было рожать? Уже ведь и так трое было!

– Юра очень мечтал о сыне. Он прямо никогда не говорил об этом, но это всегда проскальзывало в разговорах. Скажу честно. Забеременела я случайно. А когда сказала об этом Юре, то он, разве что на коленях не стоял, так упрашивал меня родить этого ребёнка, уверяя, что ему всё равно кто будет! Разве я могла ему в этом отказать? Да и уверена почему-то была, что это будет мальчик. Так у нас Гошка появился.

Нашу беседу прервал крик:

– Мама!

В объятья Ляльки бросился мальчуган лет семи – восьми.

– А вот и наш герой! – целуя, произнесла Лялька и добавила с гордостью. – С соревнований вернулся. Призовое место занял!

– Привет.-я обратилась к мальчику. – Меня тётя Вера звать, а тебя, если не ошибаюсь Георгием?

– Да. – утвердительно произнёс он, а я продолжила:

– Мы с твоей мамой вместе в школе учились. А ты, каким видом спорта занимаешься?

– Спортивной акробатикой. Я на батуте прыгаю.

– Надо же, как неожиданно! – искренне удивилась я и добавила, – Очень бы хотела посмотреть на это.

– Да никаких проблем. Пригласим, коли есть такое желание. – подтвердила Лялька.

Мы обменялись телефонами и прежде чем покинуть вокзал, она произнесла:

– Я всё про себя, да про себя рассказывала. А про тебя так ничего и не узнала. Давай в ближайшее время встретимся. Приезжай ко мне. Я живу всё там же. Ты же помнишь мой родительский дом?

– Помню, конечно.

– Только не затягивай! Ты ведь замужем?

– Да.

– Так вместе с мужем и давай! Как будет время, так сразу к нам, я так рада нашей встрече.

Мы обнялись, а я проводила их взглядом до самого выхода. Произошедшая встреча, как и последовавший рассказ просто ошеломили меня, потеснив в моём восприятии собственные переживания.

Глава 2.

Домой вернулась к вечеру. На пороге меня встретил сын:

– Мам! Ты где была? Папа только что звонил. Потерял тебя.

Я достала телефон, взглянула на входящие и, не обнаружив звонка от мужа, бросила его на тумбочку в прихожей. Вслух же произнесла:

– Видно не слишком-то и потерял, раз позвонить не удосужился.

Сын с удивлением взглянул на меня, явно не ожидая с моей стороны каких либо упрёков, относительно действий мужа, и продолжил:

– Он сказал, что ты должна была на дачу приехать.

Я, ухмыльнувшись, ответила:

– Я себе простила этот долг.

Сын продолжал стоять в прихожей, всё ещё вопросительно глядя на меня:

– Вы что? Поссорились?

– Нет. Я не ссорилась. Это папа решил в очередной раз со мной не разговаривать.

– А ты?

– А я поддерживаю его решение.

– Он сказал, что завтра ждёт тебя на даче.

– Это его право. Ждать меня или не ждать.– прокоммен-

тировала я послание мужа и почувствовала, что волна прежнего раздражения с новой силой накрывает меня.

– А ты что? Не поедешь? – поинтересовался сын.

– Нет. У меня другие планы. – сказала я и сама удивилась своей решимости.

– Ну, раз ты не поедешь, то можно и я тоже не поеду?

– Кирилл! Ты уже взрослый мальчик. Так что разбирайся с отцом сам!

С этими словами ушла в спальню, но не успела раздеться, как позвонила мама:

– Вера, что за фокусы? Почему ты не на даче?

– Потому что не хочу туда ехать! – с вызовом ответила я.

– Что значит, не хочу? Там Леонид уже сутки без продуктов сидит! А ты непонятно чем занята.

– Я занимаюсь тем, что думаю над своим поведением. А сидеть там без продуктов его никто не принуждает. У него под жопой машина и супермаркет в пятнадцати минутах езды. Мальчик он взрослый и в состоянии справиться с этой проблемой. – выпалила я и сама удивилась своей дерзости.

– Дочь! Я не понимаю тебя! – её голос прозвучал несколько растерянно, что придало мне уверенности.

– Вот и я ничего не понимаю! Ты моя мать или нет? Почему тебе его, голодного, жалко, а меня, когда я полные сумки тащу, не жалко нисколько?

– Да ты никогда не жаловалась на это.

– Вот именно. Никогда. А сейчас вдруг решила и пожало-

валась! Захотел молчать? Так вот пусть и молчит! И через третьи лица есть не просит!

– Ты что? И завтра не поедешь?

– Да. И завтра я не поеду! Так ему и передай!

– А что делать собираешься?

– Над своим поведением буду думать!– ответила и положила трубку, а вновь услышав настойчивый мамин звонок, и вовсе отключила телефон.

Не включила его и на следующее утро, а проснувшись, выскользнула из дома, пока сын спал. Опять долго бродила по городу, вспоминая, как в детстве мы с Лялькой мечтали о путешествиях и, оказавшись в незнакомом месте, представляли себя в другом городе или даже в другой стране. Как мы, увидев картинку в каком-нибудь журнале, с интересом рассматривали достопримечательности и мечтали когда-нибудь там оказаться!

Тогда, в детстве, казалось, что взрослые всё могут себе позволить, что там, в этой взрослой жизни всё возможно и нет запретов, что каждый сам себе хозяин. Оставалось только вырасти! Но в реальной жизни оказалось совсем не так! Мои путешествия ограничивались расстоянием до дачи! И воспоминания о ней не добавили мне настроения, а вызвали ещё больший протест, разраставшийся внутри. Меня уже не страшил ни гнев мужа, ни недовольство мамы. Физически захотелось сбросить с себя этот груз, навалившийся и давящий на меня под словом «надо».

Возвращаться домой не хотелось, и я вспомнила про Лялькино приглашение. Включать телефон не стала, знала, что сразу последуют звонки от мамы и поехала к ней без предупреждения. Почему-то я решила, что она не расценит это как неуважение или как нарушение правил «хорошего тона».

Хоть я и знала, где живёт подруга, но нашла её дом с трудом. Уж много чего изменилось с тех пор. Новые постройки выпячивались, оттесняя и принижая дома, знакомые ещё с детских лет. Я долго стояла возле калитки, пытаюсь не ошибиться в правильности своего выбора, как увидела Гошку на велосипеде. Тот, заметив, сразу узнал меня и заулыбался. Я отметила, что улыбается он совсем как Лялька. Так же открыто, во весь рот, обнажая зубы.

– А вы к нам в гости?

– Да. Мама дома?

– Дома. Проходите.

Он стал не спеша протискиваться между стоящими возле калитки машинами, стараясь не задеть их велосипедом. Вдруг неожиданно спросил:

– А как вы думаете, какая из них мамина?

Я оценивающе посмотрела на них. Одна была новенькая марки «Land Rover», другая выдавшая виды «Toyota». Я задумалась. Меня муж к своему автомобилю и на пушечный выстрел не подпускал, хотя я умела водить машину. Научилась ещё в юности на отцовской «Ниве». Но даже сдать на права не помышляла, потому что точно знала, что муж не

допустит меня до своего автомобиля, не говоря о том, что позволит мне купить себе собственный. Гоша, видя мою нерешительность, положил свободную от велосипеда руку на крыло «Land Rover» и произнёс:

– Вот эта мамина машина. А знаете, почему?

– Почему?– уточнила я.

– Потому что маме – самое лучшее!

– А кто так решил? – зачем-то спросила я.

– Папа конечно. Он же мужчина. – ответил мальчик. В его голосе слышалось недоумение от непонимания мной очевидного.

Мы вошли в калитку, и я увидела сооружение. Это можно было только так назвать. Дом Ляльки, который я помнила с детства, стоял на прежнем месте, а за ним, буквально вплотную возвышалась двухэтажная пристройка, выгибаясь разными уровнями. Мы вошли в дверь этого архитектурного прикола. Другого названия я не нашла. Внутри, как, ни странно, всё оказалось очень даже прилично и даже уютно, хотя кухня была заполнена пакетами, коробками, а в мойке громоздилась гора грязной посуды.

Лялька, увидев меня, вскрикнула:

– Верка! Ты чего не предупредила, что приедешь? Ещё минуту и не застала бы!

Она принялась обнимать меня.

– Но всё равно молодец! Я очень рада тебя видеть!

– Я тебе помешала? Ты куда-то собираешься? – прогово-

рила я.

– Уже никуда!– твёрдым голосом ответила Лялька, затем обратилась к сыну:

– Гошка, давай пулей к папе, скажи, что я занята сильно и мне нужно, чтобы он отвёз заказ тёте Марине.

Гошка сорвался с места и исчез.

– Ты прости меня за беспорядок. Я только что закончила с очередным заказом, не успела прибраться. Пойдём отсюда!

И Лялька провела меня в просторную комнату, которая мне показалась очень даже уютной. Была она с красивой мягкой мебелью, которая хорошо сочеталась со струящимися шторами на окнах. Да к тому же, комната была идеальна убрана.

– А про какой заказ ты говоришь? – поинтересовалась я.

– Да это так. Типа хобби. Нравится мне изобретать некие вкусняшки. Вот и творю для своих, да и друзьям иногда помогаю. Они своё кафе имеют. Сейчас я разрулю ситуацию и угощу тебя своими шедеврами кулинарного искусства.

Лялька засмеялась. В прихожей послышался голос Юрия:

– Люлюшка! Ты где? Что у тебя случилось?

Лялька вышла и, сказав, что к ней приехала подруга, начала объяснять мужу, что и куда отвести. Тот с двумя пакетами, заглянул в комнату, поприветствовал меня и вышел.

– Слушай, я не хотела тебе мешать. Ты извини меня, что нарушила твои планы.– начала вновь оправдываться я.

–.Не выдумывай! Планы нам не государство свыше отпус-

кает. Планы наши и поменять мы их можем легко и просто!— с этими словами она вновь обняла меня, затем продолжила,— Пойдём, я тебе наш дом покажу.

И она показала мне небольшую спальню, рядом располагалась комната больше. Я сразу поняла, что она для Гошки, потому как была наполнена машинками и механизмами, а так же различными спортивными снарядами. Далее, в ряд по коридору, располагались душевая кабина, туалет и хоз. блок, с гладильной доской и стиральной машинкой. В переходе между первым и вторым этажом возле окна красовались орхидеи. Я даже вначале подумала, что они искусственные, но когда убедилась, что живые, то восхитилась:

— Лялька! Как тебе удаётся их выращивать?

— Да я особо и не заморачиваюсь! — махнула она рукой. — Сами растут!

Вдруг в одной из комнат послышался шум. Лялька отворила дверь и застала Гошку прыгающим на кровати. Рядом стояла девушка и отчитывала его. Увидев нас, поздоровалась со мной и обратилась к Ляльке:

— Тётъ Ляль! Опять Гошка на кровати прыгает!

— Так.— сделала Лялька серьёзное лицо, глядя на сына:— Быстро поправил кровать и марш на улицу! Ещё раз увижу — объясняться будешь с папой!

Мальчик быстро поправил постель и буквально скатился по лестнице.

— Разбалованный наш ребёнок. Только папой и можно на-

пугать! Нас с девчонками совсем не слушает! – посетовала Лялька и обратилась к девушке, как я поняла, дочери Юрия:

– Ксюша, ты не очень занята? Можешь мне помочь?

На что та кивнула.

– Помоги в кухне навести порядок. Ко мне вот подруга школьная в гости приехала, а у меня там чёрт ногу сломит.

После она представила нас друг другу. Ксюша спустилась вниз, а Лялька показала мне комнаты на втором этаже. Та комната, из которой был выдворен Гошка, принадлежала Ксюше и Сони – младшей Лялькиной дочери, рядом располагалась комната старшей Оли, которая уже студентка и сейчас находилась в отъезде. Так же распахнула передо мной ванную комнату, где находился душ и туалет.

– Сама понимаешь, с нашей оравой одним не обойтись.– уточнила она.

После чего мы вышли на улицу.

– Ну, внешне дизайн нашего дома ещё тот! Сколько живём, столько и пристраиваем по мере необходимости. Юра говорит, что проще всё снести и новый дом построить. У него давно руки чешутся, только я его постоянно останавливаю. То одно нужно, то другое. Одним словом, пока всё руки не доходят, да и мать категорически отказывается со своим углом, как она выражается, расстаться.

– А отец твой?

– Он уже пять лет как умер. А мать ничего ещё. С Гошкой даже помогала, когда тот маленький был, да и сейчас огород,

хоть изрядно и урезанный, но на ней.

– Не пьёт?

– Сейчас у неё давление скачет, да к тому же сахарный диабет. Не было бы счастья, да вот несчастье помогло с этим завязать.

Тут из парника вышла женщина, неся в руках сорванные огурцы.

– Здравствуйте, тетя Лариса.— поздоровалась я, узнав Лялькину мать. Та молча смотрела на меня, силясь вспомнить.

– Что? Не узнала? Это ведь Вера. Подружка моя! Вспомнила?— помогла ей подруга.

– Ой! И правда! А я вижу что-то знакомое, а сразу то и не признала.— заговорила она, улыбаясь.

Постояв с нами немного, она скрылась в своём домике, а Лялька повела меня по двору.

– Слушай, а вот там же дядь Мишин дом стоял. – показала я на соседний участок.

– Дядя Миша давно умер, а родственники его нам этот участок продали. Теперь там Юрина мастерская. Он дачную мебель изготавливает. Пойдём, покажу.

В мастерской работало двое мужчин, а под навесом красовалась готовая мебель в виде скамеек, табуретов, столов, диванчиков с причудливыми металлическими спинками. Это привело меня в восторг. Я даже не удержалась и села на одну из скамеек, воскликнув:

– Красота какая!

Были здесь и уличные туалеты, которые выстроились в ряд в самом углу навеса. Они и правда выглядели весёленькими, как их ранее охарактеризовала Лялька.

Послышалась подъехавшая машина. Невесть откуда возникший Гошка отворил дверь калитки. В неё вошёл Юрий. В одной руке он держал на подставке два кофе в бумажных стаканчиках, а в другой небольшой букетик, встроенный в небольшую ёмкость, так же напоминающую стакан. Подойдя к нам, он протянул Ляльке цветы. Та с улыбкой поцеловала его в щёку, проговорив:

– Спасибо, милый.

Затем мне протянул кофе, проговорив сдержанно:

– Угощайтесь.

Лялька поддержала его:

– Бери, попробуй. Это самый лучший кофе в городе.

Я взяла протянутый стаканчик, Лялька последовала за мной, забирая другой.

– У вас сегодня какой-то повод, какое-то событие? Может я помешала? – вновь заволновалась я, глядя на цветы.

– Юра, какой у нас сегодня повод?

Мужчина, уже отходя от нас, на ходу крикнул:

– Воскресенье по календарю.

– Вот, слышала? – она снова засмеялась, затем тише продолжила, – Просто он знает мою слабость к кофе, вот всегда и привозит, как только случай подворачивается.

– А цветы? Потому что знает твою слабость к цветам? – предположила я.

– Ну, типа того! А чего ты всё переживаешь, что можешь нам помешать?

– Да муж у тебя ... – я замешкалась, подбирая слова.

– Суровый? – подсказала мне Лялька. – Ты не обращай внимания. Он такой у меня. Не улыбочивый, не общительный. А сейчас ещё и нам помешать боится.

– Слушай, а почему тебя домашние так называют? – вспомнила я обращение к ней Юрия и его дочери.

– Юра меня Галюшкой вскоре, как жить стали, звать начал. Я ему тогда рассказала про то, что меня в школе Лялькой звали. Ему это очень понравилось. С тех пор он своё обращение и подкорректировал. Для него я стала- Лялюшка. Ну, а когда Ксюшу привёз, то она меня кроме как тётъ Ляль и не называет.

Мы продвигались вдоль дорожки, попивая кофе из стаканчиков. По правую сторону, за парником, я увидела премиленькое сооружение с террасой. Я сразу догадалась, что это баня. И поспешила спросить об этом Ляльку.

– Да. Эта наша знаменитая баня. Самая гармоничная постройка на всей территории. Юра очень её любит, вылизывает просто.

Она провела меня внутрь. Я просто изумилась чистотой и идеальным порядком. Предбанник поразил меня множеством резных полочек, подставок, на которых располагались

различные мелочи. Приятно пахло деревом и берёзовыми вениками. Я вспомнила свою баню на даче, которая была в такой длительной незавершённости, что глаз уже замылился, и брошенные доски в предбаннике, предназначенные для обшивки стен, уже воспринимались как место, куда можно было сбросить одежду или присесть из-за отсутствия скамейки. Я вначале часто напоминала мужу, что нужно всё-таки довести её до ума, но тот всегда находил отговорки, а порой даже сердился и упрекал меня в занудстве. Я вскоре смирилась со всем этим и не донимала его своим нытьём. Но сейчас почему-то этот факт припомнился, вместе с раздражением, которое я постоянно подавляла в себе, вспоминая о нашем долготрое.

После небольшого экскурса по территории двора, мы вернулись в дом. Там я увидела убранную кухню. За столом сидели уже две девочки, и пили чай с пирожными. Как я догадалась, второй была младшая Лялькина дочь Соня. Она была рослой, я бы сказала, полноватой, со светлыми, практически белыми волосами. Глаза её не фокусировались. Было не понятно, куда она смотрит. Но, как я поняла, она не слепая, а вполне может передвигаться самостоятельно и с удовольствием занимается конным спортом. Вот и сейчас она вернулась после тренировки. После того, как мы были представлены, Соня поспешила на второй этаж, обратившись к Ксюше: – Уберёшь за мной?

Та согласно угукнула.

– Ну, вот. Теперь тебя можно и к столу пригласить. – сказала Лялька и обратилась уже к девочке,– Спасибо, Ксюша.

На что та кивнула, продолжая жевать. Я взглянула на Лялькину кухню, которая была щедро оборудована бытовой техникой, и мой взгляд остановился на навороченной кофемашине. Я показала на неё и спросила:

– А что? Она не работает?

– Почему не работает? Очень даже работает. Ты кофе будешь или чай? – спросила она, приглашая меня к столу, где красовалась горка пирожных.

– Давай чай. Кофе только что пили.– ответила я, а сама подумала, что если бы я имела такую в доме, то мой муж никогда бы не привёз мне кофе из кофейни. Да впрочем, и без кофемашины ему бы в голову подобное даже не пришло! Хотя я тоже всегда кофе любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.